

ЭРИК ЭГЕБЕРГ

Константин Фофанов. Несколько замечаний по поводу его стихотворной техники

Период между последним расцветом романтической лирики в 50-е и мощным приходом символизма в 90-е годы XIX века является неким поэтическим «безвременьем»; за исключением Некрасова, чьи стихи без больших проблем вписываются в общую картину литературы тех лет, лирики просто умолкли. Потом, в 70-е и особенно в 80-е годы, лирические голоса снова зазвучат — из старых Полонский, Майков и Фет, а из поэтов помоложе — Случевский, Апухтин, Фофанов. В особенности последний из них в годы перед появлением символистов ознаменовывал собою эту эпоху русской лирики.

Константин Михайлович Фофанов родился в Петербурге в 1862-ом году. Его отец был купец 3-ей гильдии, впоследствии разорившийся, семья была многолюдная, и Константин Михайлович получил весьма недостаточное образование, правда, потом дополненное самостоятельным, но несистематичным чтением. Необразованность поэта все-таки оставалась постоянной мишенью его критиков.

Из бедноты Константину Фофанову так и не удалось вырваться. В мае 1911-го года он умер от воспаления легких, сломанный алкоголизмом и истощением, оставив после себя жену и 11 человек детей. И — «пережив свою славу»¹.

О совсем другом русском писателе написано, что он «многогранен и целен»². В отношении Фофанова эти слова вряд ли применимы, хотя нетрудно обнаружить его многогранность, разнообразие его многочисленных произведений. Но мы напрасно ищем

---

¹ Г. М. Цурикова: К. М. Фофанов. В кн.: К. М. Фофанов: Стихотворения и поэмы. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л. 1962. С. 45. — В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.

² А. А. Горелов: Соединяя времена. М. 1978. С. 141 (об А. П. Платонове).

ту четко определенную личность, которая могла бы оставить на всей этой многоликости неповторяемый отпечаток. Зато мы то и дело находим отголоски более ранних поэтов, в первую очередь, пожалуй, Фета и Полонского. Не случайно, что этим двум старшим современникам Фофанов посвятил по стихотворению. Но не следует забывать, что в творчестве Фофанова мы встречаем наряду со всевозможными отголосками и явления, предвосхищающие символистскую лирику, и такие чуждые романтической традиции мотивы, как современная техника:

Мелькают, как птицы, моторы
И пыль на дороге кружат,
И слепнут прохожего взоры,
И, кажется, камни дрожат. (248)

Вполне понятно, что Фофанова высоко ценил Игорь Северянин.

Реминисценции лирики предшествующей эпохи относятся как к кругу мотивов, так и к стихотворной технике Фофанова. Таким образом, раннее стихотворение «Истина» (1880 г.) проявляет сходство со знаменитым «Пророком» Лермонтова:

В лохмотьях истина блуждает,
Переходя из века в век,
И, как заразы, избегает
Ее, чуждаясь, человек. (49)

Но если Лермонтов показывает нам истину, воплощенную в живом человеке, то у Фофанова мы встречаем отвлеченные понятия — истину и ее противоположность мечту (с предпоследней строфы), правда, в одушевленном виде, но тем не менее довольно бледные.

Подобно Лермонтову и — в особенности — Фету, Фофанов чаще, чем поэты пушкинской поры пользуется трехсложными размерами, которые усиливают музыкальность стихотворения. В связи с этим нередко встречаются и разного рода повторы, родня-

щие Фофанова с представителями мелодичной линии русской лирики, прежде всего как раз с Фетом. У Фофанова имеются произведения, явно навеянные соответствующими стихотворениями этого поэта, например:

Не отходи от меня,
 Пой или смейся со мною
 Ранним сиянием дня,
 Поздней зарею! (105)

Ср. у Фета:

Не отходи от меня,
 Друг мой, останься со мной!
 Не отходи от меня:
 Мне так отрадно с тобой... (167)³

Если в первой строке поражает сходство, даже полное совпадение, то дальнейшее равертывание обоих стихотворений обнаруживает различные, но характерные черты и того и другого поэта. Во-первых, если у Фета целое произведение занимает лишь три строфы, то оно у Фофанова разрастается до двойного объема — шести строф. Во-вторых, уже первая строфа показывает более частые повторы («не отходи — не отходи») у Фета — черта, характерная для всего стихотворения. Разнообразие мотивов — пение, смех, печаль, плачь, зависть и т. д. — у Фофанова больше, чем у Фета, у которого наблюдается усиленная концентрированность, подчинение немногих повторяемых мотивов единому возрастающему эмоциональному движению. То же самое мы можем видеть при сопоставлении стихотворения «Лунная тихая ночь»

---

³ Стихотворения Фета цитируются с указанием страницы по следующему изданию: А. А. Фет: Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд. Л. 1959.

Фофанова (130.131) с ранним произведением Фета «Тихая, звездная ночь» (167.168).

Фофановское «Не отходи от меня!» связано, кажется, и с другим фетовским стихотворением, а именно с «Прежние звуки, с былым обаяньем», которое кончается строфой:

Пой! Не смущайся! Пусть время былое
 Яркой зарей расцветет!
 Может быть, сердце утихнет больное
 И, как дитя в колыбели, уснет. (190)

В этом стихотворении, как и в приведенном стихотворении Фофанова, воспоминание, «время былое», играет видную роль. У Фета воспоминание о былом часто связано с воздействием музыки: именно музыка способна во всей его полноте воспроизвести в душе лирического героя давнее счастье :

И звуки те ж, и те ж благоуханья,
 И чувствую — пылает голова,
 И я шепчу безумные желанья
 И лепечу безумные слова.
 («Вчера я шел по зале освещенной», стр. 4. (181))

И в этом отношении Фофанов использует опыт Фета, соединяя переживание под впечатлением музыки с воспоминанием о давно прошедшем:

Ты села к роялю небрежно,
 И все, чем полна ты была,
 Чем долго томилась мятежно, —
 Все в звуки любви облекла;

Я слушал безгрешные звуки
 И грустно смотрел на огни...
 То было пред днями разлуки,
 Но было в счастливые дни!..
 (Ты помнишь ли?! («Ты помнишь ли: мягкие
 тени»), стр. 3 и 4. (133))

В лирике Фофанова то и дело встречаются слова, указывающие на скорбные обстоятельства жизни: грусть, печаль, тревога, зависть, недуг и т. п. У Фета также наличествуют подобные явления:

Пойми хоть раз тоскливое признание,
 Хоть раз услышь души молящий стон!
 (Anruf an die Geliebte Бетховена, стихи 1
 и 2. (183))

Это, однако, лишь поверхностное сходство, поскольку та функция, которую выполняют в композиции стихотворения эти отрицательные элементы, глубоко различна. У Фета они представляют собою преграды на пути к эмоциональному апогею, а их преодоление служит показателем силы картины возрастающего восторга, создаваемой автором посредством искусного применения повторов и вариаций. Окончание стихотворения у Фета означает победу положительных элементов надо всем, что стояло на их пути:

И я блажен; я в каждой муке новой
 Твоей красоты провижу торжество.
 (Anruf an die Geliebte Бетховена, окончание.
 (183))

Если вернуться к заключительной части стихотворения «Ты помнишь ли?!», мы увидим, что тут отрицательное чувство — грусть — отнюдь не преодолевается, а наоборот — именно в том же месте, где мы у Фета находим всеохватывающее чувство бла-

женства, оно вмешивается в переживание лирического героя, создавая своеобразный диссонанс, который подчеркивает расстояние, разделяющее счастливое прошедшее от настоящего. У Фета же мы находим устранение этого расстояния: настоящее наполняется той же силой, что и первичное событие, тем самым повторяя его (наглядный пример дает ранее цитированное «Вчера я шел по зале освещенной»).

Эта разница не случайна, она касается не только приведенных произведений. У Фофанова есть стихотворение «Рыдает и плачет тоскливая скрипка» (106), в котором есть ряд точек соприкосновения с «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали» Фета (185). У Фофанова последние две строфы (из четырех) звучат так:

Вы вновь пробудили певучие думы,
 Вы вновь окрылили восторгом меня...
 И грусть моя тает, как сумрак угрюмый
 Пред алым сияньем веселого дня.

И вижу я снова из мрака забвенья,
 Как бледный туман из глубоких лощин,
 Встают и кивают бывлые виденья
 Сквозь черную дымку угасших годин...

Несмотря на то, что в начале предпоследней строфы говорится о счастье (даже в виде окрыления, полета, как это часто бывает у Фета), в заключительных строках опять выдвигается на первый план отдаленность вспоминаемого времени от настоящего. В «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали» тоже упоминаются слезы, плачь, томительные и скучные года, вздохи, но заключительная строфа означает, как в пушкинском «Я помню чудное мгновенье», явном праобразе фетовского стихотворения, торжество полных, светлых чувств:

Что нет обид судьбы и сердца жгучей муки,
А жизни нет конца, и цели нет иной,
Как только верить в рыдающие звуки,
Тебя любить, обнять и плакать над тобой!

Фет в своих стихотворениях добивается удивительно мощного эффекта посредством умелого сосредоточения всех средств на показе единого возрастающего чувственного подъема, и воздействие этого эффекта ощущал на себе и Фофанов, в нескольких своих произведениях повторяя фетовские приемы и мотивы, хотя своеобразной фетовской напряженности он не перенял. Этим Фофанов сближается с современником Фета Яковом Полонским, в чьих стихотворениях тоже чувствуется близость к Фету, но и чуждые этому лирику диссонансы.

Summary: Konstantin Fofanov. Some Observations on His Verse Technique

In his time, Konstantin Fofanov (1862-1911) was a very popular poet, especially so in the late 80-s and early 90-s. His verse is clearly influenced by Afanasij Fet, although Fofanov lacks the emotional intensity of that poet. In this respect he is closer to Fet's contemporary Jakov Polonskij; both poets' verse contains dissonant elements which do not allow the rising emotional excitement to reach its potential climax.

In the paper some of Fofanov's best poems are compared with those of Afanasij Fet.

E-mail: erik.egeberg@hum.uit.no